

Когда у вас была первая любовь? У меня в пять лет. Его звали Никита, мы ходили в один детский сад.

Был теплый май, пахло цветами и свежей травой. Я с любопытством гладила молоденькие, нежные листочки на ветках липы – ой, липкие, будто намазаны клеем. Я вытирала пальцы о новое розовое платье, когда ко мне подошел рыжий мальчик с веселыми веснушками, с букетом солнечных одуванчиков и, протянув мне цветы, быстро поцеловал в щечку. Его губы были теплыми и пахли цветочной пылью. Мои руки и платье стали желто-зелеными от одуванчиков, и я знала: мама будет ругать за испорченное платье.

Я влюбилась в Никиту с первого взгляда, потому что он особенный: у него один глаз темно-синий, цвета вечернего льда, а другой – елово-зеленый. «Как у храброго полководца Александра Македонского», – с гордостью повторял Никита слова своей мамы в те минуты, когда я влюбленно разглядывала его разноцветные глаза.

Мальчишки из нашей группы над Никитой смеялись, дразнили его, а я лупила их за это пластмассовой лопаткой, за что бывала наказана строгой воспитательницей. Стоя в углу, каждый раз чувствовала, что страдаю за любовь.

Однажды Никита спросил у папы:

– Пап, а что делают настоящие мужчины, чтобы показать женщине свои чувства?

– Дарят кольцо и признаются в любви, – ответил папа.

Никита удовлетворенно кивнул. А на следующее утро, встав на одно колено и сияя разноцветными глазами, Никита признался мне в чувствах и подарил золотое кольцо с голубым камушком (между прочим, самое красивое из всех, что он нашел у мамы), и объявил, что я теперь его жена.

Я поцеловала Никиту в теплую веснушчатую щечку. Весь день скакала и хлопала в ладоши, смеялась без причины – воспитательница даже подумала, что я, наверное, сошла с ума от веселья, что мне смешинка в рот попала. И только мы с Никитой загадочно

улыбались и понимали, что никакая это не смешинка, а самая настоящая любовь.

Кольцо было мне велико и постоянно сваливалось с пальца. Сначала я потеряла свою драгоценность в песочнице, но, к счастью, она быстро нашлась, потом кольцо укатилось в щель – мы с Никитой еле-еле его оттуда достали. В тот день я теряла его еще раза три в раздевалке, но каким-то чудом кольцо каждый раз находилось, и вечером я благополучно принесла Никитин подарок домой.

– Откуда у тебя это кольцо? – поинтересовалась мама, расплетая мои длинные непослушные волосы перед сном.

– Это Никита мне подарил, – призналась я и добавила серьезно. – Мы теперь муж и жена.

Мама ничего не ответила. Не отругала даже за испачканное платье.

А Никитина мама тем вечером никак не могла найти свое любимое кольцо, которое, она точно помнила, лежало в коробочке в ванной.

Утром наши мамы встретились в детском саду и поговорили.

Моя мама присела рядом со мной на корточках и, глядя мне в глаза, ласково сказала:

– Пусть колечко побудет пока у Никитиной мамы. Никита надеет его тебе на палец, когда вы станете взрослыми и решите пожениться.

Я кивнула, отдала кольцо и стала с нетерпением ждать, когда мы с Никитой вырастем и сможем по-настоящему пожениться.

БЕГУЩАЯ ПО СТРОКАМ

Когда мне было 16 лет и пришло время выбирать будущую профессию, я влюбилась в Пашку из соседнего подъезда, улыбочивого старшеклассника с дредами и в косухе. Поэтому я не хотела ничего решать, а хотела платье, как у Бритни Спирс, перекрасить волосы в розовый цвет, как певица Pink, и целоваться с Пашкой до утра под звуки песен группы Rammstein.

В один прекрасный день мама зашла в комнату, где я лежала на кровати в обнимку с подушкой, и поинтересовалась, какие у меня дальнейшие планы в этой жизни. Я подняла голову от фотографии Пашки и блокнота, в который записывала только что сочиненное стихотворение о любви, и посмотрела

на маму, как баран на новые ворота. Мудрая мама, конечно же, все поняла. Она вздохнула, махнула рукой и сказала: «Будешь учиться на филолога – у тебя русский с литературой хорошо идут». Я не возражала, русский и литература мне нравились, и через год поступила на факультет русской филологии в Московский государственный областной университет, сокращенно МГОУ. Почти МГУ, думала я.

Учиться в университете оказалось замечательно. Не приходилось больше прятать книжку под партой на химии – химии здесь не было, ненавистной математики и физики тоже, зато была разная литература – русская, зарубежная и античная. А еще был хор с балалайкой и русскими народными

костюмами и поэтический кружок «Стихоплет», и везде меня приняли как родную.

Моя сестра Катька, вечно до пяти утра чертившая проекты для Бауманки, закатывала глаза и с завистью восклицала: «Сидит себе, книжечки почитывает. К сессии она так готовится. Вот лафато!» В ответ я показывала Катьке язык и продолжала наслаждаться «Дафнисом и Хлоей», «Илиадой», «Одиссеей», «Юлией, или Новой Элоизой». Про Пашку и розовые волосы я успела к концу первого семестра благополучно забыть – с километровыми списками литературы как-то не до глупостей. Моей новой страстью стали книги. В группе «Филологическая дева» в социальной сети «ВКонтакте» был популярен в то время такой мем: «Еще одна ночь в обнимку с Борхесом, и он доведет меня до верхнего колонтитула». И я засыпала, положив под подушку книги Борхеса, Маркеса, Кортасара или Неруды – моих любимых латиноамериканцев.

Я не очень-то общительный человек, приятелей у меня раз-два и обчелся. Лучшие друзья филологов – это, конечно, книги. Для меня идеальная работа – с текстами, а не с людьми. Мне нравится играть со словами и буквами, исправлять ошибки. Я получаю от этого такое же удовольствие, как дети от мороженого и конфет.

Люблю, когда все гармонично. Язык и текст – это основа основ, ведь вначале было слово, а мир – это кем-то рассказанная история. У меня есть гипотеза, что наша реальность – созданная Творцом книга, и все написанное в ней постепенно оживает. Потому пророкам и удается угадывать будущее, что они, благодаря своему дару,

могут читать Книгу жизни с любого места, заглядывая на еще не прочитанные историей страницы.

Многие люди думают, что работа корректора и редактора однообразна и скучна: несчастный человек сидит целыми днями и исправляет ошибки. Мой опыт говорит об обратном: эта работа интересная и веселая, ведь опечатки всегда разные, и они бывают очень смешные. Например, Галина вдруг становится Гадиной, а в имени Юля случайно вместо Ю появляется роковая буква Б. Мне еще ни разу не было скучно.

Однажды наступил день, когда я начала работать внештатным литературным редактором в издательстве «Эксмо», в отделе женской остросюжетной прозы, и параллельно корректором в газете «Твой день». Я была в то время студенткой четвертого курса, воспитанной на изящном слогe Пушкина и Тургенева. И вдруг мне пришлось читать совсем другую «литературу» – роман про то, как женщина бальзаковского возраста собирается на свидание к возлюбленному, в тюрьму, и покупает трусы с секретом. Впервые в жизни я испытала то чувство, когда пишет кто-то другой, а стыдно почему-то мне. Я, как несчастная мышь из анекдота, плакала и кололась, но продолжала грызть кактус, успокаивая себя тем, что надо же где-то получать необходимый опыт работы.

Преподавательница по исторической грамматике, когда я рассказала, где именно работаю, покрылась красными пятнами, стукнула кулаком по столу и воскликнула: «Ужас! Кошмар! Мы вас столько лет учили, растили ученых, специалистов. И ради чего? Чтобы вы в желтой прессе работали и порнографические романы вычитывали?»

В тот момент я поняла, что свернула не туда.

Следующим местом работы я выбрала солидное медицинское издательство, выпускающее учебники и практические руководства для врачей, и первое время до боли в затекшей шее проверяла со словарем написание каждого медицинского термина. Со временем стало легче, потому что термины были каждый раз одни и те же.

Я убедилась, что работа редактора очень ответственная, нужно тщательно проверять любую информацию. Иначе можно попасть в неприятную ситуацию. Как-то я вернулась из долгого отпуска и с новыми силами принялась исправлять ошибки. Вызывает меня заведующая редакцией и недовольно спрашивает: «Ты, что ли, исправила Минздрав РФ на Минздравсоцразвития РФ?» Говорю: «Да, я. Мы же всегда это правили». Оказалось, пока я была в отпуске, Минздравсоцразвития переименовали обратно в Минздрав.

Иногда я редактирую настолько интересные рукописи, что забываю обо всем на свете, днем и ночью живу в мире книги.

Коллега, уезжая в отпуск, попросила меня пожить у нее дома с ее питомцами – с черной и серой кошками. Я в то время редактировала учебник по психиатрии, с интересом читала про истерию, шизофрению и другие психические расстройства. Я приехала в квартиру поздно вечером. Накормила голодных животных сухим кормом и стала думать о том, чем же накормить себя. Не отрываясь от интереснейшей главы про симптомы шизофрении, нащупала в холодильнике пару яиц. Прекрасно, подумала я, здесь есть еда. Пожарю-ка яичницу. Но где же

подсолнечное масло, размышляла я, перебирая на ощупь разные бутылочки в шкафу. Вот, что-то в стеклянной бутылке – наверное, оливковое масло. Не глядя, щедро плеснула ее содержимое на сковородку, разбила туда два яйца, посолила и отлично поужинала. Только потом, вспоминая странный привкус яичницы, решила из любопытства посмотреть, какое же масло было – оливковое, или льняное, или еще какое-то. Наконец оторвалась от рукописи и посмотрела на бутылку. Каково же было мое изумление, когда прочитала надпись на этикетке – протерла очки, прочитала еще раз – нет, не показалось: Johnnie Walker. Black label. Прогуливающийся человечек заговорщически подмигивал мне с бутылки. Два пушистика – серый и черный – сидели рядом на стульях (им не хватало только ведра с попкорном в лапы) и, кажется, смотрели на меня, как на дурочку.

Больше всего мне нравилось работать в электричке, по дороге в университет. Когда электричка трогалась, я доставала стопку распечаток, ручку и приступала к делу. Развлекалась я тем, что считала, сколько раз самое любимое автором слово-паразит промелькнет в главе. А больше всего меня веселило, что автор на одной странице мог написать один и тот же медицинский термин пятью способами – с разными ошибками и опечатками. Время за работой пролетало незаметно.

Вскоре я стала замечать, что люди, сидящие напротив меня в транспорте, почему-то краснеют, бледнеют, пугаются и отсаживаются подальше. Что со мной не так? Колготки не рваные, платье не испачкано, волосы нормального цвета, то есть не фиолетовые и не

зеленые. Хотя сейчас и этим никого не удивишь. Что не так-то?

Поняла я все, когда под дуновением ветра перевернулась распечатанная страница. И то, что я увидела, заставило меня подпрыгнуть на скамейке. Дело в том, что на другой стороне, ради экономии бумаги и чтобы ничего не потерять, печатали иллюстрации к книге. Не ожидала, что цветные фотографии герпеса и стригущего лишая на гениталиях произведут на меня такое впечатление. А на прошлой неделе, вспомнила я с еще большим

ужасом, книга была про вскрытие трупов судмедэкспертами. Представляю, каково было сидящим напротив меня смотреть те картинки.

Мудрый Альберт Эйнштейн сказал: «Все мы гении. Но если вы будете судить рыбу по ее способности взбираться на дерево, она проживет всю жизнь, считая себя душой». Я рыба, которая не лезет на дерево, не пытается летать или прыгать, а предпочитает долго и с удовольствием плавать. И замечу, чувствует она себя в воде просто прекрасно.